
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПАТОЛОГИИ В ЭКОНОМИКЕ (МАРКЕТИНГ ТЕРРИТОРИЙ, СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА, БАНКРОТСТВО, ИПОТЕКА)¹

Фролов Даниил Петрович,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и рекламы Волгоградского государственного университета; ecodev@mail.ru

Лаврентьева Анна Викторовна,

аспирант кафедры маркетинга и рекламы Волгоградского государственного университета; lavra.ne@mail.ru

В статье анализируются возможности формирования и развития институциональной патологии как раздела экономической науки, изучающего закономерности возникновения, течения и исхода «заболеваний» и отдельных патологических процессов в институциональных системах разного масштаба. Обоснована взаимосвязь и специфика теорий институциональных «ловушек» и институциональных дисфункций. На примерах территориального маркетинга, социальной ответственности бизнеса, банкротства и ипотечного кредитования показана неоднозначность институциональных патологий.

Ключевые слова: институциональная патология, институциональные «ловушки», институциональные дисфункции, институциональные «болезни».

Все более очевидными становятся теоретическая актуальность и практическая значимость проблемы преодоления неэффективных, но устойчивых институциональных механизмов, действующих в отечественной хозяйственной системе. Их осмыслению и исправлению служит теория институциональных «ловушек» – новое оригинальное направление исследований в экономической науке современной России, объектом которого являются неэффективные равновесные состояния институциональных систем с высокими альтернативными и транзакционными издержками. Фундаментальные основы осмысления институциональных «ловушек» заложены в трудах В. Полтеровича [20, 22], а их теоретическому и эмпирическому развитию посвящены работы А. Амосова, Е. Балацкого, В. Лесных, А. Олейника, Е. Попова, А. Хлопина и др. [1 – 3, 17, 24; 34].

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проекты № 11-32-00348a2 и № 12-12-34003.

Эволюция данной теории на современном этапе происходит в двух направлениях – центростремительном, связанном с решением внутренних проблем (уточнением и развитием категориального аппарата, совершенствованием методики идентификации и анализа «ловушек»), и центробежном, нацеленном на вовлечение в ее предметную область новых объектов и сфер исследований. Ведь для институциональной экономики «существенное значение имеет число ловушек и качественные параметры действующих неэффективных норм, причем аналитически важно также представлять ловушки в динамике» [29, с. 97] и в процессе их эволюции. Попытки систематизации институциональных «ловушек» в российской хозяйственной системе уже предприняты [24, с. 161 – 163], но их необходимо продолжать, постепенно переходя к компаративным международным исследованиям. Растущий интерес к исчислению и описанию институциональных «ловушек» заключается «как раз в сложности и потенциальной бесконечности этой одновременно и теоретической, и практической задачи» [17, с. 22].

Проблемы, освещаемые теорией институциональных «ловушек» вплотную соприкасаются с предметной областью, развиваемой О. Сухаревым теории институциональной дисфункции – перспективного направления институциональной экономики, изучающего причины, формы и последствия нарушения функций экономических институтов с целью выработки практических рекомендаций по повышению их эффективности. Без ориентированных в этом направлении исследований «институты развития» неизбежно будут реализовываться лишь в превращенных формах, дисфункционалируя и становясь «институтами распада» [19]. Дисфункции институтов ведут к их деформациям и деструкции.

Индикатором накопления критической массы методологических проблем в данной области институциональных разработок стала дискуссия о соотношении понятий дисфункции институтов и институциональной «ловушки» [23, с. 7; 29]. Как поясняет В. Полтерович, «институциональная ловушка – это равновесие, в котором агенты выбрали норму поведения, не эффективную по сравнению с другой нормой, также являющейся равновесной при тех же внешних условиях» [23, с. 7]. В свою очередь, под экономической дисфункцией О. Сухаревым понимается «нарушение функций какого-либо органа, системы, экономического института, преимущественно качественного характера» [28, с. 70]. Можно сказать, что «ловушка» характеризует относительную неэффективность институциональных систем разного масштаба в сравнении с альтернативными вариантами их развития, а дисфункция – по сравнению с нормой их функционирования [28, с. 7] или эталонным состоянием.

Однако, по мнению О. Сухарева, концепция экономической дисфункции институтов «обладает более высоким уровнем обобщения» [30, с. 7] по сравнению с теорией институциональных «ловушек». Последняя представляется ему статичной и в большей степени микроаналитичной,

к тому же в ее рамках «весьма смутно определено понятие «равновесие института» [30, с. 6]. По мнению ученого, «именно дисфункциональность является причиной возникновения ловушки, а не наоборот, при этом случаи атрофии, перерождения института, либо конфликта есть по существу случаи различной глубины дисфункциональности» [30, с. 6] внедряемых в новую среду экономических институтов. Следует признать обоснованность многих из этих доводов, что, тем не менее, не дает повода к отказу от развития «ловушечной» теории, а, наоборот, является стимулом ее совершенствования, как и дальнейшего развития теории институциональной дисфункции.

Целесообразно учесть замечание О. Сухарева и отказаться от применения термина «дисфункция» исключительно к «трансплантированным» экономическим институтам [21, с. 29 – 33]. Поскольку в отношении любого института «содержание функций, как и их число, обычно известны» [30, с. 6], то их нарушение или сокращение позволяет говорить о возникновении дисфункции. «Трансплантационные дисфункции» – частный, хотя и очень значимый, случай дисфункций институтов.

Кроме того, изучение институциональных дисфункций должно базироваться на детальной спецификации функций отдельных институтов и их систем. Подчеркнем, что для корректной идентификации дисфункций институтов необходимо усилить работу по уточнению набора их конкретных, а не абстрактных функций. Абстрактные, т.е. наиболее общие, универсальные, системные функции, свойственные всем институтам, уже изучены в достаточной степени, чтобы перейти к их конкретизации. Тем не менее, и набор абстрактных функций институтов нуждается в дальнейшем уточнении, поскольку именно из него исходят исследователи при выделении и описании конкретных функций и их нарушений.

Исследование системных функций и ролей институтов в эволюции хозяйственной системы – экстенсивно освоенная проблемная область отечественной институциональной экономики. Ученые дифференцируют и содержательно характеризуют присущие институтам функции генерации новых схем и рамок деятельности, ее регулирования и регламентации, распределения благ, информирования и контроля агентов, их координации и субординации, мотивации и стимулирования к выполнению правил и требований, аллокации и мобилизации ресурсов, стабилизации экономической динамики, инкубации и дистрибуции норм, развития институциональной среды и накопления ее «генофонда» [3, 8, 11, 12, 26, 35].

В целом, закрепляемые в институциях и обеспечиваемые институтами многообразные системные функции определяют как расширяющиеся возможности, так и усложняющиеся ограничения постоянно развивающихся способов хозяйственной деятельности. Конечно, каждая из этих функций, в свою очередь, внутренне дифференцирована, реализуясь в спектре производных, но не менее значимых системных ролей. Поэтому важно разрабатывать их типологию и классификацию с учетом многоуровневого

характера взаимосвязей. Поэтому необходимо дальнейшее развитие теории дисфункций с выходом на теорию рефункционализации экономики. С позиций диалектической логики, в соответствии с принципом взаимного соответствия структуры и функции хозяйственных систем любого масштаба изучение реструктуризации должно быть дополнено теоретическим осмыслением и экономическим обоснованием рефункционализации [32, 33].

Важно продолжать укрепление теории институциональных «ловушек». Прежде всего, целесообразно преодолеть восприятие «ловушек» как статично равновесных явлений. Институциональное равновесие можно понимать как результат осуществленного в прошлом коллективного выбора и актуальный компромисс ассоциированных интересов экономических агентов в отношении использования определенного институционального механизма и его отдельных элементов (норм, правил, процедур и т.п.). Динамическое институциональное равновесие характеризуется изменчивостью параметров внешних форм реализации данного механизма, направленной на обеспечение устойчивости статусов его агентов в рамках существующей структуры их отношений. Меняются контракты, вносятся поправки в законы и процедуры и т.д., но неизменным остается принятый способ осуществления институциональных отношений [16].

Институциональную «ловушку» уместно рассматривать как особый экономический аттрактор, задающий область притяжения агентов за счет низких затрат и высоких шансов на «входе», но характеризующийся значительными издержками в процессе функционирования и запретительными – на «выходе» из данного динамического равновесия. Более того, «ловушка» – система институциональных отношений, обладающая свойствами аттрактора и характеризующаяся запретительно высокими альтернативными издержками. В перспективе классификация «ловушек» может быть развита в функциональном, отраслевом и уровневом аспектах, специфицирована применительно к конкретным институтам хозяйства.

Следует признать вслед за В. Полтеровичем, что далеко «не любой неэффективный институт является ловушкой» [23, с. 9], но и сама «ловушка» не всегда является следствием дисфункции института. Например, современная биржа выступает типичной микроинституциональной «ловушкой», основанной на вовлечении новых агентов посредством предоставления возможности виртуального симуляционного трейдинга в формате «игры без ответственности». Более того, после выхода проигравшего трейдера с биржи возникает инерционный эффект, вызывающий обратное втягивание в «ловушку», основанное на стимулировании желания отыграться [9]. По принципу многоцветной «ловушки» функционирует и такой экономический институт, как казино. В качестве распространенных «ловушек» можно назвать институциональные механизмы ипотечного и потребительского кредитования: на «входе» в них целенаправленно стимулируется желание немедленного получения функции пользования имуществом объектом, в результате чего уже вступившие в контракт-

ные отношения с банком агенты с опозданием узнают о дополнительных требованиях, включенных в сложный контракт. Неудачный брак (как имущественный институт) – это тоже институциональная «ловушка» особого рода, относящаяся к микроуровню хозяйствования. На вовлеченности в институциональную «ловушку» международного финансирования основаны проблемы многих «развивающихся» стран, ставших «вечными должниками» МВФ, Парижского клуба кредиторов и других инвестиционных структур.

Можно привести множество других примеров, когда институциональные «ловушки» не связаны напрямую с дисфункциями институтов. Не меньшее число примеров свидетельствует о том, что дисфункции институтов ведут к возникновению «ловушек»: начиная от описанных Г. Мюрдалем «порочных кругов нищеты» и заканчивая диссертационной «ловушкой» [4, 5, 6], связанной с дисфункциональностью системы оплаты труда научно-преподавательских кадров. Видимо, институциональные дисфункции и «ловушки» являются взаимосвязанными и, скорее, однопорядковыми явлениями. Поэтому жесткое противопоставление описывающих их теорий едва ли продуктивно, а в перспективе становится целесообразным обеспечение синтеза этих теоретических альтернатив.

Неоднозначность институциональных патологий обусловлена их системной сложностью и влиянием средового отклонения. Так, например, адаптация маркетинга территорий (как институции регионального и местного администрирования) в современной России происходит в искаженных, превращенных формах: с одной стороны, маркетинг мест сводится к разработке логотипа, слогана, единого стиля и в целом брендбука территории (Пермь, Калужская область, Сочи, Н. Новгород, Мышкин, Великий Устюг, Елабуга, Краснокамск, Екатеринбург, Магадан, Саров, Ненецкий АО и др.); с другой, наблюдается создание маркетинговых стратегий в формате комплексных официальных документов с детализированным содержанием, полная реализация которых объективно невозможна (С.-Петербург, Киров, Волгоград, Лермонтов, Калининградская область, Курганская область и др.). Многочисленные проблемы сопровождают развитие институций социальной ответственности бизнеса, среди них: искаженное представление о социальной активности компаний среди их собственников и топ-менеджеров, ведущее к подмене социального партнерства корпоративной благотворительностью с целью формирования позитивного имиджа перед государством и извлечения дополнительной прибыли; одностороннее понимание социальной ответственности местными и региональными властями, рассматривающими данную институцию как форму дополнительной эксплуатации бизнеса в качестве донора бюджета путем делегирования им затратной функции «социального инвестора»; неопределенное отношение федеральных и региональных властей к социальной и благотворительной деятельности крупного бизнеса, повышающее ее трансакционные издержки за счет бюрократизации

и чрезмерного контроля; сужение сферы реализации социального партнерства вплоть до взаимодействия руководства корпораций и профсоюзов в области трудовых отношений; незрелость и высокая фрагментация институтов гражданского общества, не обеспечивающих достаточных импульсов корпорациям к расширению спектра социальных программ.

В свою очередь, эволюция ипотеки также сопровождалась высокими издержками адаптации, многочисленными дисфункциями и мутациями. Если в США патологии ипотечного кредитования были вызваны широким распространением секьюритизации кредитов, то в России монополизацией и коррумпированностью строительного бизнеса, спекулятивным характером рынка недвижимости, оппортунизмом финансовых структур (последнее позволяет рассматривать институциональную «ловушку» ипотеки как частный случай проблемы принципала-агента в условиях несовершенной институциональной среды кредитно-финансовой сферы). Хрестоматийный пример трансплантационных дисфункций представляет собой институция банкротства: ее внедрение в РФ по образцам эталонных стран в условиях неразвитости комплементарных институтов рыночной экономики (1992 г.) привело к системным дисфункциям и трансформации в механизм теневого перераспределения и оптимизации структуры корпоративной собственности. Вторая редакция закона «О несостоятельности (банкротстве)» (1998 г.), несмотря на радикализм изменений, стала импульсом широкого использования данной институции в целях враждебного поглощения. Этому способствовала коррумпированность государственного аппарата и неразвитость институции антикризисного управления, что привело к использованию ассоциаций арбитражных управляющих в качестве аффилированных лиц рейдеров. Фактически банкротство также деформировалось в институциональную «ловушку» российской экономики, и 20-летние метаморфозы этой институции наглядно показывают сложность и неоднозначность выбора методов и инструментов терапии институциональных патологий.

Логичным шагом в этом направлении может стать формирование и развитие институциональной патологии как раздела институциональной экономики, изучающего закономерности возникновения, течения и исхода «заболеваний» и отдельных патологических процессов в институциональных системах разного масштаба. В фокус специальных исследований должны быть вовлечены не только природа и причины институциональных «болезней», но и вызываемые ими функциональные и структурные изменения в хозяйственной системе.

Допустимо рассматривать институциональные «болезни» как симптомокомплексы, характеризующиеся патокинезом (т.е. движением патологического процесса) в институтах и их системах. Другими словами, это совокупность симптомов или болезненных признаков, связанных с нарушением функционирования института или институциональной системы. Для таких «болезней» характерно прогрессирующее течение в

отличие от институциональных «синдромов» [13], которые, хотя и являются регистрируемыми проявлениями патологического фенотипа, но являются врожденными и не изменяются в течение всего жизненного цикла институциональной системы. Поэтому важно теоретически углубить исследования институциональных «синдромов», например, известного «синдрома оппортунизма» или не менее распространенного «синдрома отмены», связанного с отчуждением агента от своего института. Также нуждаются в изучении институционально обусловленные невротические, психопатические состояния агентов, в том числе их боязни (фобии) [15] и болезненные пристрастия (филии), искажающие закрепленные за ними модели поведения [14] и ведущие к снижению уровня определенности трансакций.

Для обеспечения эффективной детализации изучаемого ей аспекта предметной области институциональной экономики, целесообразна дифференциация институциональной патологии на общую и частную. Общая патология призвана исследовать наиболее общие, основные процессы и эффекты институциональных «болезней», тогда как предмет частной патологии – изучение отдельных «заболеваний» институтов и их систем. Кроме того, необходимо сконцентрировать когнитивные усилия в области институциональной этиологии – раздела институциональной патологии, изучающего проблемы причинности соответствующих «заболеваний». Это особенно важно для теории «трансплантации» экономических институтов, поскольку «трансплантированные институты часто «не приживаются» или «болеют» [21, с. 25], а один из ключевых вопросов на повестке дня современной институциональной экономики звучит следующим образом: «Как “лечить” трансплантационные дисфункции?» [21, с. 47 – 48].

Институциональная патология призвана исследовать специфический класс «болезней» хозяйственных систем. Но ее развитие способно дать импульс подъему исследований в рамках более широкого раздела – экономической патологии. Данное направление слабо развито не только в нашей стране, но и вообще в мировой экономической науке, хотя в научной литературе часто встречаются такие термины, как «голландская» и «венесуэльская» болезни [7, 31]. В этой связи следует по достоинству оценить инициативу А. Илларионова, который провел в 2005 г. пресс-конференцию на тему: «Российские экономические болезни» и обосновал диагноз отечественной экономики с колоритным названием «гарсавензимит». Этот термин является аббревиатурой от нескольких заболеваний, характерных для хозяйственных систем различных стран – «голландской», «аргентинской», «болезни Саудовской Аравии», «венесуэльской» и «замбабвийской» болезнях. Не вступая в дискуссию по поводу наличия у российского хозяйства совокупности симптомов в рамках всех перечисленных заболеваний, надо признать, что более или менее типичные «болезни» свойственны всем без исключения экономическим системам любого уровня. Поэтому первоочередной задачей является разработка методо-

логических основ изучения институциональных и, шире, экономических «болезней».

Конечно, совершенно необязательно напрямую использовать для наименования институциональных «болезней» медицинские аналогии, хотя такой имитационный подход может оказаться полезным на этапе становления нового раздела институциональной экономики. Тогда наряду с институциональным «склерозом» («британской болезнью»), описанным М. Олсоном [18; 27, с. 70; 36, с. 27], можно было бы углубить представление об институциональных «тромбозах», «недостаточности», «дисхронии» (болезненном нарушении темпов развития внедряемого института) и т.п., равно как об институциональных «травмах», одну из которых рассматривает в своей работе Р. Капелюшников [10]. В первом, самом общем приближении множество институциональных «болезней» допустимо разделить на два подмножества, связанных с неинфекционной и инфекционной этиологией – соответственно, институциозы и институциты (по аналогии с правилами использования суффиксов «-ит» и «-оз» при классификации нозологических форм в медицине). Институциты наиболее часто возникают в результате «трансплантации» институтов, им присущ дегенеративно-дистрофический характер патокинеза: не случайно В. Полтерович использует термин «атрофия» для обозначения наиболее распространенной «болезни» внедряемых в новую среду институтов. Возможно, следовало бы трактовать дисфункции как симптомы институциональной «болезни». На основе анализа дисфункций становится возможным и значимым описание симптомокомплексов и этиологических факторов институциональных «заболеваний», что позволит в перспективе выработать технологии их профилактики и терапии.

Институционалисты наиболее глубоко среди представителей различных направлений экономической науки продвинулись в изучении структурно-функциональных диспропорций хозяйственной системы, дисфункций ее институтов, превращенных форм их реализации («ловушек»), искажений и негативных эффектов институционального развития и т.д. Дальнейшее углубление исследований процессов институциональных изменений и сопутствующих им патологических состояний – одно из важнейших направлений развития институциональной экономики в современной России. Необходимо обеспечить активизацию многоуровневого и компаративного подходов к анализу аномальных процессов в институтах и их системах разного масштаба, ведь, как и теория экономической дисфункции, «теория институциональных ловушек не является локальным отечественным инструментарием экономического анализа, и в равной степени применима как для оценки реформирования российской экономики, так и для оценки рыночных преобразований в других странах» [25, с. 470 – 471]. Возможно, в перспективе такую оценку можно будет распространить и на институциональную патологию.

Список источников

1. Амосов, А. Макроэкономическая политика и институциональные «ловушки» [текст] / А. Амосов // Экономист. – 2002. – № 2. – С. 44 – 49.
2. Балацкий, Е. Теория институциональных ловушек и правовой плюрализм [текст] / Е. Балацкий // Общество и экономика. – 2001. – № 10. – С. 84 – 97.
3. Балацкий, Е.В. Функциональные свойства институциональных ловушек [текст] / Е.В. Балацкий // Экономика и математические методы. – 2002. – Т. 38. – № 3. – С. 54 – 72.
4. Балацкий, Е. «Диссертационная ловушка» [текст] / Е. Балацкий // Свободная мысль-XXI. – 2005. – № 2. – С. 92 – 104.
5. Балацкий, Е. Институциональные конфликты в сфере высшего образования [текст] / Е. Балацкий // Свободная мысль-XXI. – 2005. – № 11. – С. 23 – 38.
6. Балацкий, Е. Формирование «диссертационной ловушки» [текст] / Е. Балацкий // Свободная мысль – XXI. – 2006. – № 4. – С. 116 – 135.
7. Забелина, О. Российская специфика «голландской болезни» [текст] / О. Забелина // Вопросы экономики. – 2004. – № 11. – С. 60 – 75.
8. Зотов, В.В. Анализ системных функций экономики: институциональный аспект [текст] / В.В. Зотов, В.Ф. Пресняков, В.О. Розенталь // Экономика и математические методы. – 1998. – Т. 34. – № 2. – С. 5 – 16.
9. Иншаков, О.В. Биржа: эволюция экономического института: 2-е изд., перераб. и доп. [текст] / О.В. Иншаков, А.М. Белобородько, Д.П. Фролов. – М., 2008. – 356 с.
10. Капелюшников, Р. Собственность без легитимности? [текст] / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2008. – № 3. – С. 85 – 105.
11. Латов, Ю.В. Функции теневой экономики как институциональной подсистемы [текст] / Ю.В. Латов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2006. – Т. 4. – № 1. – С. 61 – 83.
12. Лебедева, Н.Н. Проблемы реализации функций экономических институтов в российской экономике [текст] / Н.Н. Лебедева // Россия в актуальном времени-пространстве / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. – М.; Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – С. 51 – 59.
13. Мак-Киннон, Р. Заслуживающая доверия либерализация и международные потоки капитала: синдром «чрезмерного заимствования» [текст] / Р. Мак-Киннон, Х. Пилл // Экономика и математические методы. – 1996. – Т. 32. – № 4. – С. 65 – 72.
14. Могильнер, М.Б. Трансформация социальной нормы в переходный период и психические расстройства [текст] / М.Б. Могильнер // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 70 – 79.
15. Мукомель, В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) [текст] / В.И. Мукомель // СОЦИС. – 2005. – № 2. – С. 56 – 66.

16. Олейник, А. «Институциональные ловушки» постприватизационного периода в России [текст] / А. Олейник // Вопросы экономики. – 2004. – № 6. – С. 79 – 84.

17. Олейник, А. Введение. Институциональные ловушки постприватизационного периода в России [текст] / А. Олейник // Институциональная экономика: Учебник / Под общ. ред. А. Олейника. – М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 3 – 25.

18. Олсон, М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз [текст] / М. Олсон. – Новосибирск: ЭКОР, 1998. – 432 с.

19. Подкосов, Д.П. Институты распада [текст] / Д.П. Подкосов // Философия хозяйства. – 2006. – № 4. – С. 79 – 91.

20. Полтерович, В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы [текст] / В.М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35. – № 2. – С. 3 – 19.

21. Полтерович, В.М. Трансплантация экономических институтов [текст] / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 3. – С. 24 – 50.

22. Полтерович, В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? [текст] / В.М. Полтерович // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3. – С. 5 – 16.

23. Полтерович, В.М. Предисловие редактора [текст] / В.М. Полтерович // Попов Е.В., Лесных В.В. Институциональные ловушки Полтеровича и транзакционные издержки / под ред. В.М. Полтеровича. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2006. – 458 с. – С. 7 – 9.

24. Попов, Е.В. Институциональные ловушки Полтеровича и транзакционные издержки [текст] / Е.В. Попов, В.В. Лесных / под ред. В.М. Полтеровича. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2006. – 458 с.

25. Попов, Е.В. Эволюция институтов миниэкономики [текст] / Е.В. Попов. – М.: Наука, 2007. – 542 с.

26. Рывкина, Р. Дисфункции государства и ослабление социальной безопасности населения России [текст] / Р. Рывкина, О. Коленникова // Вопросы экономики. – 2000. – № 2. – С. 67 – 75.

27. Скоробогатов, А.С. Российская стабильность последних лет: предпосылка экономического развития или институциональный склероз? [текст] / А.С. Скоробогатов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 1. – С. 59 – 71.

28. Сухарев, О. Концепции экономической дисфункции и эволюция фирмы [текст] / О. Сухарев // Вопросы экономики. – 2002. – № 10. – С. 70-81.

29. Сухарев, О.С. Институты и экономическое развитие [текст] / О.С. Сухарев. – М.: ДеКА, 2005. – 384 с.

30. Сухарев, О.С. Основы институциональной и эволюционной экономики: курс лекций [текст] / О.С. Сухарев. – М.: Высш. шк., 2008. – 391 с.

31. Фетисов, Г. «Голландская болезнь» в России: макроэкономические и структурные аспекты [текст] / Г. Фетисов // Вопросы экономики. – 2006. – № 12. – С. 38 – 53.
32. Фролов, Д.П. Рефункционализация в стратегии институциональных изменений фирмы [текст] / Д.П. Фролов // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3. Экономика. Экология. – 2008. – № 1. – С. 154 – 160.
33. Фролов, Д. Рефункционализация как механизм изменения институциональной структуры фирмы [текст] / Д. Фролов, В. Черных // Проблемы теории и практики управления. – 2008. – № 5. – С. 21 – 26.
34. Хлопин, А.Д. Деформализация правил: причина или следствие институциональных ловушек? [текст] / А.Д. Хлопин // ПОЛИС. – 2004. – № 6. – С. 6 – 15.
35. Шаститко, А.Е. Институты как общественные блага [текст] / А.Е. Шаститко // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. – 1996. – № 5. – С. 37 – 43.
36. Olson, M. The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies [текст] / M. Olson // American Economic Review. – 1995. – Vol. 85. – № 2. – P. 22 – 27.

INSTITUTIONAL PATHOLOGIES IN ECONOMY (PLACE MARKETING, CORPORATIVE SOCIAL RESPONSIBILITY, BANKRUPTCY, MORTGAGE)

Frolov Daniil Petrovich,

Dr. Sc. of Economy, Professor, Head of the Chair of Marketing and Ad-
vertizing of Volgograd State University; ecodev@mail.ru

Lavrentyeva Anna Viktorovna,

Post-graduate student of the Chair of Marketing and Advertizing of
Volgograd State University; lavra.ne@mail.ru

In article possibilities of formation and development of institutional pathology as the section of an economic science, studying regularities of emergence, current and outcome of "diseases" and separate pathological processes in institutional systems of different scale, are analyzed. The interrelation and specifics of theories of institutional "traps" and institutional dysfunctions are proved. On examples of place marketing, corporative social responsibility, bankruptcy and mortgage lending ambiguity of institutional pathologies is shown.

Keywords: institutional pathology, institutional "traps", institutional dysfunctions, institutional "diseases".